

В. К. Шелейко

Поэзия В. Хлебникова в творческой адаптации А. Рязанова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

v-sheleiko@yandex.ru;

науч. рук. – Л. В. Камлюк-Ярошенко, канд. филол. наук, доц.

Поэтический язык В. Хлебникова настолько своеобразен и необычен даже в рамках традиции русского футуризма, что перевод его представляется делом весьма сложным и требующим полной погруженности в творческий мир Будетлянина. Перевод произведений Хлебникова возможен только с учетом его языковой теории, которая, хотя и является автономной, необходима для адекватной интерпретации поэтических текстов. В Беларуси к творчеству Хлебникова обратился один из крупнейших современных белорусских поэтов Алесь Рязанов, который этой теорией, порождающей своеобразный художественный метод, мастерски овладел, что объясняет высокое качество его переводов. В данной работе проанализированы переводы наиболее далекие от оригиналов, выявлены новые смыслы, появившиеся в акте со-творчества двух поэтов.

Ключевые слова: языковая теория В. Хлебникова; переводы А. Рязанова; словотворчество; «самовитое» слово; «звёздный» язык.

В 2011 году был опубликован сборник переводов (или переложений) поэзии В. Хлебникова, сделанных А. Рязановым в разные годы [1]. Описывая ситуацию, сложившуюся в мире вокруг переводов В. Хлебникова, исследователь русского авангарда С. Е. Бирюков пишет об этом сборнике следующее:

На обложке крупно поставлена буква З и ниже идет имя Хлебникова. Эта буквица выступает в роли некоего знака взаимодействия между двумя славянскими поэтами. По сути дела Рязанов дает белорусскую версию русского текста на основе известного постулата Велимира о плавке всех славянских слов. Это как бы инвариант хлебниковских текстов, который мог бы возникнуть, если бы Хлебников писал по-белорусски. Разумеется, со всеми возможными вариациями, учитывающими индивидуальность белорусского поэта [2].

Поэтический язык В. Хлебникова отличается от зауми у других футуристов, например, А. Крученых или И. Зданевича, у которых заумь – поэтический эксперимент, не выходящий за область исключительно фонетики и поэтому делающий перевод их заумных текстов чистой формальностью. Для Хлебникова важно совершенно обратное. Недаром Ю. Н. Тынянов в статье «О Хлебникове» (1928) писал:

Его <Хлебникова> языковую теорию, благо она была названа „заумью”, поспешили упростить и успокоились на том, что Хлебников создал „бессмысленную звукоречь”. Это неверно. Вся суть его теории в том, что он перенес в поэзии центр тяжести с вопросов о звучании на вопрос о смысле. Для него нет неокрашенного смыслом звучания [3].

Примерно о том же говорит А. Рязанов применительно к своему творчеству:

Па-мойму, творцы, паэта няма без адчування слова, без адчування гуку. У паэзіі гук – не проста гук, ён становіцца гукасэнсам. І сфера гукасэнсу яшчэ не вельмі намі абазнанна, не спазнанна. <...> Я ў сваёй творчасці гуку надаю вялікую ўвагу. І менавіта з увагі да гуку, з патрэбы гуку стаць сэнсам, відаць, і ўзніклі такія мае аўтарскія жанры, як квантэмы і як вершаказы. А што да гукавой прасторы, то, на маю думку, яна і ёсць мова [4].

Позиция белорусского поэта удивительно близка к хлебниковской «языковой теории», которую можно условно разделить на два направления: 1) эксперименты со словом в рамках русского языка, создание концепции «самовитого слова»; 2) создание нового универсального языка (заумного, звездного) на основе концепции «самовитого слова». О двух «отношениях к слову» писал Хлебников в автобиографии «Свояси», резюмирующей всю его творческую деятельность [5, с. 8].

В рамках первого, словотворческого, отношения к слову появилось замечательное стихотворение «Заклятие смехом», в котором Хлебников играет со словообразовательным потенциалом слова ‘смех’, выстраивает предложения с грамматически связанными однокоренными окказионализмами для создания собственной модели порождения универсума. Алесь Рязанов, используя метод Хлебникова, создает несколько иной текст. Во-первых, он отказывается от существующей и в белорусском языке нейтральной лексики ‘смех’, заменяя ее экспрессивно окрашенной лексемой ‘рогат’, что подчеркивает безудержность насылаемого смеха, усиливает комический эффект стихотворения. Во-вторых, приближая текст к фольклорному «заклёну», он отказывается от пародийно-одической интонации (нет частицы о!), но сохраняет ряд восклицательных предложений, увеличивает количество обращений. Объем переводного текста на 3 стиха длиннее оригинала:

ЗАКЛЁН РОГАТАМ

Рагачыце, рагачы!
Рагачарце, рагачары!
Рагачварце, рагачвары!
Рагатніце рагатліва з рагатнёў, рагатуны!
Рогаць, рогатань, уругат,

ЗАКЛЯТИЕ СМЕХОМ

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеян-
ствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!

Рагачутка, рагацень.	О, рассмешищ надсмеяльных - смех
Рагатулі, рагатуйце рагатункі!	усмейных смехачей!
Зрагаторце	О, иссмейся рассмеяльно, смех
Рагаторгі рагатнічым рагатнем, рагатары!	надсмейных смеячей!
Рагацвелы ўрагацвела рагацвеляць	Смейево, смейево,
рагацелаў,	Усмей, осмей, смешики, смешики,
Урагочваюцца ўрогач рагачверцы ў ра-	Смеюнчики, смеюнчики.
гачме.	О, рассмейтесь, смехачи!
Рогат рогатна рагоча рагатайнай рагатою:	О, засмейтесь, смехачи!
Рагатуны ў рагатніцу. Рагачыце, рагачы!	

Если бы Хлебников ограничивался только экспериментами в области словообразования, его теория не вышла бы за рамки словотворчества, не привела бы к созданию звездного языка. Здесь важно отметить, что понимание членимости лексем на более мелкие единицы (морфемы), обладающие собственным значением, приведет Хлебникова к предположению о том, что и наименьшие единицы языка – фонемы (Хлебников употребляет понятие звук) – тоже обладают собственной семантикой.

В некоторых случаях Алесь Рязанов в переводе, сознательно или нет, оказывается ближе, созвучнее концепции «самовитого слова» нежели сам Хлебников в оригинальном тексте. Словотворческая деятельность Хлебникова приводит к созданию им концепции «самовитого слова», одним из важнейших положений которой является деление слова на «чистое» и «бытовое». В этом делении обнаруживается интерес Хлебникова к этимологии и к внутренней форме слова:

Слово делится на чистое и бытовое. Можно думать, что в нем скрыт ночной звездный разум и дневной солнечный. Это потому, что какое-нибудь одно бытовое значение слова так же закрывает все остальные его значения, как днем исчезают все светила звездной ночи. <...> Отделяясь от бытового языка, самовитое слово так же отличается от живого, как вращение земли кругом солнца отличается от бытового вращенія солнца кругом земли [6, с. 168].

И далее он приводит пример:

Взять два слова *ладья* и *ладонь*. Звездное, выступающее при свете сумерек, значение этого слова: расширенная поверхность, в которую опирается путь силы, как копье, ударившее в латы [6, с. 168].

«Звездное», «чистое» значение слова, по Хлебникову, – это тот компонент семемы, та интегральная сема, которая позволяет объединить слова с созвучными корнями в одно семантическое поле. В дальнейшем эти компоненты значения станут планом содержания «простых имен» (отдельно взятых звуков), составляющих звездный язык.

В связи со сказанным обратимся к переводу одного из стихотворений В. Хлебникова:

Чарот-вечарот
На возераберазе,
Дзе векамань – каменнем,
Каменне – векаманню.
На берагавозеры
Чарот, вечарот,
На вечараберазе
Веча шумлівае.

Времыши – камыши
На озера береге,
Где каменя временем,
Где время камнем.
На берега озере
Времыши, камыши,
На озера береге
Священно шумящие.

Первое, что бросается в глаза, это сплавление отдельных слов словосочетаний (озера береге, берега озера) в слитное неологичное образование (*возераберазе*, *берагавозеры*), т. е. просто удаляя пробел при переводе Рязанов уже совершает словотворческую трансформацию (это не считая появившейся за счет чередования г//з внутренней звукописи в *возераберазе*). Также отмечается более плотный, акцентный ритмико-звуковой рисунок (обилие аллитераций на *ч, р, в, к, м, н*). Если погружаться в хлебниковскую теорию глубже, то, анализируя созданные Рязановым окказионализмы и узусные слова на *ве* (вечарот, векамань, вечараберезе, вече), можно сказать, что слова эти создают ряд для определения «чистого», «звездного» значения, связанного с семантикой времени (общие компоненты, прячущиеся внутри слов, – *вечар* и *век*). И значение это подчиняет себе все остальные слова в стихотворении за счет того, что в этих словах дублируются фрагменты окказионализмов на *ве*. У Хлебникова мы находим:

Заумный язык исходит из двух предпосылок: 1. Первая согласная простого слова управляет всем словом – приказывает остальным. 2. Слова, начатые одной и той же согласной, объединяются одним и тем же понятием и как бы летят с разных сторон в одну и ту же точку рассудка [6, с. 174].

Таким образом, переводной текст не только иллюстрирует положения языковой теории В. Хлебникова, но и оказывается ближе к ним, нежели текст оригинала.

Самыми интересными нам представляются переводы, в которых А. Рязанов меняет смысл хлебниковского текста на диаметрально противоположный, оставаясь в рамках заданной формы. В таких случаях со-творчество приводит к равноправному со-существованию двух текстов:

Павысыпаліся з меха
Рэчы.

Из мешка
На пол рассыпались вещи.

І я дарэчы
Думаю:
Свет – усмех
На вуснах бяссонна, што нарэшце
Выспаўся ўвесць.

И я думаю,
Что мир –
Только усмешка,
Что теплится
На устах повешенного.

Перед нами предстают две совершенно разные концепции мира. Миру умирающему, затухающему, переживающему свой последний миг жизни (*мир – только усмешка, что теплится на устах повешенного*) противопоставляется мир, переживающий радостное начало после тяжелого испытания (*свет – усмех на вуснах бяссонна, што нарэшце выпався ўвесць*). В тексте А. Рязанова стоит отметить внутреннюю переключку, заключающую текст в композиционное кольцо (*рэчы навывыталіся – бяссонны выпався*), использование спорадической рифмы (*рэчы/дарэчы/нарэшце*) и принципиально иную мировоззренческую позицию лирического героя, которая, как и в тексте В. Хлебникова, начинается со слов *я думаю*. Это очень важный текст в переводческом арсенале А. Рязанова, который доказывает, что несмотря на удивительное со-звучие и со-творчество, перед нами два разных равногениальных поэта.

Библиографические ссылки

1. Рязанов А. С. З Вяліміра Хлебнікава. Мінск : І. П. Логвінаў, 2011.
2. Бирюков, С.Е. Европа постигает русский поэтический авангард. URL: <http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2019/zhurnalistika/4/Biryukov.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).
3. Тынянов Ю. Н. О Хлебникове // Ка2 : Сайт о Велимире Хлебникове. URL: <https://ka2.ru/nauka/tinjanov.html> (дата обращения: 20.04.2020).
4. Рязанов А. С. 3 апокрыфа ў канон. Гутаркі, выступленні, нататкі. Мінск : Выдавец І. П. Логвінаў, 2010.
5. Хлебников В. Собрание сочинений : в 6-ти томах. М. : ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Т. 1 : Литературная автобиография, стихотворения 1904–1916.
6. Хлебников В. Собрание сочинений : в 6-ти томах. М. : ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Т. 6 книга первая : Статьи (наброски). Ученые труды. Воззвания. Открытые письма. Выступления. 1904–1922.